

великій князь слишкомъ расположенъ къ прусскому королю, и если государыня умретъ, а наслѣдникъ ея станетъ императоромъ, то немедленно объявить себя на сторонѣ прусскаго короля; о великой княгинѣ также можно было надѣяться, что и она не расположена враждебно къ Пруссіи и къ Англіи. Между тѣмъ Елисавета Петровна безпрестанно хворала; ея припадки угрожали возможностью внезапной смерти. Поэтому Бестужевъ и Апраксинъ разсчитывали дѣйствовать такъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны, не оставаться предъ новымъ правительствомъ заклятыми врагами прусскаго короля, который тогда станетъ союзникомъ русскаго государя.

Такое толкованіе поступковъ Бестужева и Апраксина имѣло нѣсколько основанія, но не было въ точности вѣрно, потому что европейскіе политики не вполне знали, что дѣлается въ Россіи. Дѣло было вотъ въ чемъ. Молодая высокая чета—великій князь и великая княгиня жили между собою въ крайнемъ несогласіи. Екатерина старалась обратить къ дѣлу своего супруга,—но ей это рѣшительно не удавалось. Онъ грубо оскорблялъ жену и часто доводилъ ее до заявленія, что она покинетъ и его, и Россію. Что касается до Елисаветы, то она хотя вполне понимала характеръ своего преемника, но горячо любила его, и къ Екатеринѣ относилась также съ видимою любовію и желала, чтобы между этими супругами утвердилось согласіе. Вліяніе тетки не передѣлало племянника. Екатерина, въ своихъ запискахъ, представляетъ странное обычное времяпровожденіе великаго князя въ ту эпоху.

Понятно, что такой преемникъ Елисаветы на престолѣ не могъ подавать хорошихъ надеждъ. По свидѣтельству Екатерины, Елисавета и четверти часа не могла пробыть съ нимъ наединѣ и часто жаловалась, что считаетъ себѣ великимъ несчастіемъ, что Богъ послалъ ей такого преемника. Она даже подчасъ изъ презрѣнія къ нему давала ему различныя прозвища. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ подчасъ ни сердилась на него тетка, а все ему прощала, потому что никакъ не могла побороть въ себѣ любви къ нему, какъ къ сыну умершей, любимой сестры своей. Никого столько не беспокоило такое положеніе дѣлъ въ Россіи, какъ Бестужева, человѣка съ такимъ же государственнымъ умомъ, какъ и съ безмѣрнымъ самолюбіемъ. Болѣзни императрицы съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе усиливались; постѣ каждого припадка она дня два находилась въ такомъ истощеніи силъ, что не могла не только говорить, но и слышать говорящихъ въ ея присут-